

СОДЕРЖАНИЕ

Цвет из иных времен (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>) . . .	5
Вам обычного? (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	176
Роды (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	218
«Я», — сказала муха (<i>перевод Романа Демидова</i>)	231
Саломея (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	332
Фастфуд (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	356
Душа в лохмотьях смертной оболочки <i>(перевод Натальи Масловой)</i>	377
Взбучка (<i>перевод Натальи Масловой</i>)	398
Нарост (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	435
Тсаотогуа (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	489
Послесловие (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	539

ЦВЕТ ИЗ ИНЫХ ВРЕМЕН

I

Все ужасные происшествия, о которых пойдет речь, произошли на озере в Новой Англии — озере, созданном плотиной, приводить название которого я не стану. Пусть оно — по древнему обычаю борьбы со злом — останется безымянным.

Будучи всего лишь фоном, антуражем, оно неопишимо диссонировало с происходящими ужасами. Фотографии озера в рекламных проспектах Департамента парков не лгали: воды его тянулись яркой синевой вдаль, обрамленные лесистыми берегами, летом оно было теплым, душистым и чистым. Рядом шло двухполосное шоссе — оно приближалось к лодочному пляжу, после чего вежливо удалялось, по ночам оставляя водоем в первобытном холодном спокойствии. К плотине, которая на фоне озера казалась несуразно крошечной, вела лишь неасфальтированная служебная дорога. Пара рейнджеров, ответственных за обслуживание пляжа, отвечали также и за ремонт плотины — вот как мало рабочей силы

ей требовалось для функционирования. И поскольку располагалась она в узком устье долины, занятой озером, разглядеть плотину с извилистых берегов было непросто. В общем, можно сказать, что творение человеческой инженерии никак не меняло исконной обособленности озера.

Но не только прекрасное, уединенное расположение делало водоем подходящими декорациями для страшных событий — а еще и гостеприимство. В июле, когда мы туда приехали, пляж кипел ярко одетыми и загорелыми людьми. Белую мозаику причалов наводняли плавсредства, а в зонах для кемпинга по обе стороны пляжа виднелись глянцевые фургоны и дома на колесах, а также футуристические нейлоновые палатки кричащих цветов, втиснутые меж древних чешуйчатых деревьев. Воздух наполнился музыкой радиостанций, храпом подвесных моторов, визгами детей в зонах для купания, обозначенных буйками. Подобные звуки — не самая обычная прелюдия к бессмысленным крикам, к крещендо агонии, которые мы в итоге услышали в исполнении тех же самых солнечных вод.

Но не могу сказать, что я и мой друг доктор Карлсберг наслаждались суматохой и гвалтом. Многим нравился этот участок — но не нам. Мы предпочли бы пришвартоваться в какой-нибудь укромной заводи двадцатимильного берега. Пышное изобилие звезд не нуждается в прикрасах, в популярных радиостанциях с нескончаемой радостной рекламой. Не нуждается в них и плавное спокойствие воды, которым наслаждаются в сумерках; не требуются ему украшения из визгов шумного ребенка, обиженного братьями

или сестрами. Однако правила парка обязывали все суда швартоваться с наступлением темноты и до рассвета в пределах причального комплекса.

К слову, ровно в тот момент, когда мы обсуждали, не нарушить ли нам это досадное правило — после того, как пять ночей подряд терпели радиопередачи и шумные карточные игры под пиво,— появились первые знамения того, что пробуждалось в водах. Мы стояли на якоре в лесистой бухте в восточной части озера, ловя последние лучи заходящего солнца. Вели серьезную беседу, потягивая бурбон, и в итоге пришли к согласию: следовало уединиться еще несколько дней назад,— люди сплошь и рядом нарушали правила, а потому, пожалуй, даже странно, что мы так долго терпели неудобство.

После этого мы пришли к более волнующему заключению: наша инертность, по всей видимости, объяснялась тем, что мы оба чувствовали легкую слабость на момент прибытия — реакция прямо-таки противоположная той, которую мы проявляли в подобных поездках.

Да, возраст брал свое. В то время, о котором я повествую, мне было пятьдесят девять, а Эрнсту — ровно семь десятков. Однако же стоит здесь отметить, что людьми мы были активными. Оба — заядлые пловцы, много и часто бегали, а также, бывало, ныряли с аквалангами во время благословенных профессорских летних каникул. Мы вознамерились покончить со странной ленью и увериться в собственной независимости. Виски запили темным пивом и провозгласили место нашей стоянки своей новой пристанью.

С новоявленной свободой, предвкушая предстоящие часы покоя, мы наблюдали, как пурпурные тени просачиваются в лес, сходящийся к берегу. А затем, когда последние и едва ли не горизонтальные лучи солнца прорезали озеро, мы вдруг увидели на поверхности слой причудливой краски — маслянистый, змеящийся радужный покров, то ли воспламененный, то ли разоблаченный новым углом падения света.

В нем смешалась целая палитра цветов, чуждая нашему опыту — как и опыту любого здравомыслящего человека, как мы тогда искренне считали. Ибо явление это порождало шок, характерный для столкновений с доселе полностью неизвестным. Иноземным был не только цвет покрова, но и то, как он проходил сквозь солнечные лучи — если искажался, то лишь слегка, и оставался ярким, жутко отчетливым в закатном зареве. Видение, дарованное секунд на десять-пятнадцать, лишило нас дара речи на долгие минуты, и мы то и дело перебрасывались недоверчивыми взглядами. А после, когда стали обсуждать впечатления, мы поняли, что речь столь же бессильна в разъяснениях, сколь и молчание. Никто не станет осуждать антропологов за слабые знания оптики и вероятных преломляющих свойств газобразных выделений с поверхности горных озер. Абсолютная уникальность явления оказала на нас такое острое воздействие, что, признав неспособность найти объяснение случившемуся, мы еще долго терялись в догадках. И все-таки даже острый ум устает постигать феномен, к которому не существует ни подхода, ни толкового словаря. Когда на

озеро опустилась кромешная тьма, мы сдались. Эрнст налил нам бурбона.

— Давай довольствоваться мистическим объяснением, Джеральд,— улыбнулся он.— Скажем, дух озера дал выход своей мане, наградил видением двух старых шаманов, покинувших стадо в поисках...

— Эрнст! — небрежно прервал его я и встал со стула.— Пригаси фонарь. Глянь на воду у берега. И на деревья. Только не прямо. А краем глаза.

Мы стояли на корме, за спинами горел притушенный фонарь. Долго мы вглядывались в берег. Мне не почудилось. Настолько неуловим был проблеск неземного цвета, что казалось, мы видим лишь его слабый отпечаток на сетчатке глаз. Но он не исчез — нежной, туманной окантовкой шел по нервному краю озерной воды и стволам ближайших к ней деревьев. Стоило взглянуть на цвет прямо — как он пропадал, но странным образом окаймлял все, что попадало на периферию зрения. На второй раз видение проступало не так ярко, но оттенок, вне всякого сомнения, был тот же.

— Как же он чертовски смутен! — сказал Эрнст после долгого молчания.— Как отзвук резкого свиста в ухе. Может статься, перед нами визуальное эхо той первой цветовой вспышки.

— Но он не исчезает!

— Верно. Так и есть. Не исчезает, будь я проклят! И есть в нем что-то еще, нечто...

И слова его так точно совпали с моей мыслью, что я невольно высказал ее вслух:

— Да. От него так и веет... Злом.

Скажете, два старых философствующих дурака? К счастью, оба мы были в том возрасте, когда собственная глупость предпочтительнее чужого «здравомыслия». В результате последующих эксгумаций и сравнений наших ощущений мы пришли к выводу, что слабость, одолевшую нас, определенно вызвала озерная вода. Ранее на пробу она показалась нам шипучей, и теперь мы признали, что чуть ли не на подсознательном уровне — настолько эфемерным было ощущение — распробовали в ее вкусе болезненную, неприятную ноту. Более того, цвет, который не мерк на протяжении всей ночи, почти наверняка исходил от воды и, таким образом, был ей присущ. А оттенок на деревьях, следовательно, появился в результате впитывания влаги корнями.

Так что на шестой день плавать мы не стали, решили проверить, как изменится наше самочувствие. Вместо этого вернули яхту к причальному комплексу и отправились в поход по берегу.

Тропинка была невероятно узкой и плохо ухоженной, тянулась на более чем двадцать семь миль и сильно петляла, то и дело уходя безумным поворотом от замкнутой кривой озера, и разглядеть воду у нас получалось крайне редко. Прогулка наша оказалась не приозерной вылазкой. А глубоким погружением в древний лес.

А еще принесла нам открытие столь же тревожное, как и вчерашнее, — хоть и более постепенное, накопительное по воздействию. Мы надеялись удалиться

от зловещей сущности озера, но игрой судьбы лишь подходили все ближе, с каждым шагом среди массивных деревьев.

Я, разумеется, осведомлен, что нахождение в глухом лесу оказывает легкое галлюцинаторное воздействие на людей, привыкших к открытым пространствам. Людям, знакомым в первую очередь с городом или равнинной провинцией, нелегко поверить в истинность этого феномена. Жуткие религиозные верования, зачастую связанные с культурами глухих лесов — наиболее известными из них являются друидические, — уходят корнями в мистическое мировосприятие, с незапамятных времен порождаемое лесом в человеческом сознании. Ибо чащи разрушают стабильное положение человека во времени. Столетние тени нашептывают, что плоть его превратится в суглинок еще до того, как он успеет малость состариться, — убеждают, что он столь же недолговечен и ничтожен, как их собственная одноразовая листовая масса.

Но место, куда мы попали, обладало иной аурой — в ней было гораздо больше буйной злобы, чем обычно присуще архетипическому благоговению.

Деревья плотной чащи были широкими, скрюченными. Стволы разрослись до внушительных размеров, а кора на первый взгляд отдавала чешуйчатым, тревожно-ярким блеском. Огромная жизненная сила и глубокий недуг в равной степени пропитывали мрачную растительность.

Всякого рода насекомые на земле и в воздухе вызвали сходные впечатления. Все живое — осы, мухи, жуки — выглядело необыкновенно крупным для сво-

его вида, и сильнее всего разница отмечалась в муравьях. Маленькие силачи увеличились более чем на два дюйма в длину. Они то и дело попадались нам на пути, роились такими ватагами, что мы неминуемо давили их, и, по сравнению с обычными муравьями, эти двигались неторопливо и неуверенно. Обостряющаяся после давок вонь муравьиной кислоты наводила бесконечно удручающую и тревожную атмосферу. Огромных, жирных мясных мух вилось вокруг столь же много, сколько и муравьев. Они неуклюже сновали во влажном сумраке, непрестанно врезаясь во вспотевшие щеки то ли по странной вялости, то ли по неумелости. И с легкостью отгонялись взмахом ладони.

В молчании прошло несколько миль. Натуралистами нас не назовешь, но мы неплохо разбирались в экологических нормах региона. Так что регулярное нарушение величин каждой второй малой формы жизни, отмеченное в душном, изменчивом, пожалуй, даже подводном полумраке леса, порождало в нас бесформенную тревогу, от которой слова замирали на губах.

Наконец, Эрнст остановился. Порывисто, как человек, вырвавшийся из удавки, он воскликнул:

— Невероятно! Неужели всего этого до нас не замечали? Происходящее — не сон! Перед нами — исключительный феномен, локализованный буйный рост... гипервитализм...

Конец фразы вышел сбивчивым, так что мы невольно улыбнулись, но затем я быстро кивнул.

— Верно. Но не забывай: сюда никто не ходит. Не слышал, чтобы на пляже кто и словом о прогулке об-

молвился. Да и рейнджеры, как видишь, за тропой не следят. Может, они и вовсе недалекие, или так привыкли к месту, что совсем его не замечают.

Вне всякого сомнения, отдыхающие воспринимали лес исключительно как декорацию, фон для полноценного живописного катания по озеру. Как и многие американцы, они прикипали к блестящим игрушкам на моторах, к технологическим удовольствиям. Если бы на берегу оборудовали больше удобных мест для пикников, пожалуй, люди и сдружились бы с лесом. Но долина чересчур крутыми склонами срывалась в озеро, и берег, за исключением искусственного пляжа и нескольких безлесьных выступов скал, особо не прельщал лодочников. Вокруг автостоянки и пляжа оставили плотную полосу из высоких, почтенных деревьев, но дабы предоставить больше места для кемпинга, эти насаждения проредили, подлесок скосили, а человеческие ноги с характерной разрушительной силой вытоптали все остальные менее массивные и долговечные формы жизни.

Мы с Эрнстом шли дальше, безмолвно впитывая пылкую, порочную энергию, от которой словно бы пухли и гнулись стволы, а крупные навозные жуки раздувались и пьяно шатались. Продолжая путь, мы то заводили разговоры, то смолкали. Я почувствовал, как черная печаль холодит сердце. Вскоре стало казаться, что как душой, так и телом, я пробираюсь сквозь безвоздушное пространство, где страх смутными тенями цепляется за меня, дабы не дать продолжить путь, замедлить, лишити всякой воли к движению. Наконец, я не сдержался:

— То же ощущение, что и от воды, Эрнст! Но в разы сильнее! Та же тяжесть, и печаль, и угроза...

— Да. И взгляни вниз, Джеральд.

Время перевалило далеко за полдень, и мы уже несколько минут как спускались в сравнительно узкое ущелье, ведущее к плотине. Эрнст остановился передо мной и указывал вниз, где тропа вилась среди деревьев и уходила в еще более темный, еще не встречавшийся нам сумрак. Пожалуй, я уже раз упоминал, что погруженные во мглу стволы имели очертания, которые словно слабо тлели внеземным окрасом, нет необходимости развивать описание этого сверхъестественного свечения. До дна ущелья мы прошли полпути и все еще находились в нескольких сотнях футов над озером, но в совокупной тени горы и лесного полога видели отливы — столь же ясно и безошибочно, как на прибрежных деревьях прошлой ночью.

Мы отправились дальше — и движение наше, должно быть, смотрелось пантомимой робкого изумления; крадущаяся, изучающая поступь, как у двух старых кошек, ступающих в незнакомую комнату. Взгляды наши обводили все вокруг с брезгливостью исследующих пальцев, страшащихся прикосновения к невообразимой грязи. По пути вниз мы вполголоса обменивались скудными фразами.

Стоило приблизиться к дереву, как оно разом лишилось окраса, в то время как остальной пейзаж на расстоянии продолжал лихорадочно переливаться. Однако ощущения, что цвет ускользает с нашим приближением, не было; ибо едва уловимое горе, слабейшая, ледяная слабость в сердце, которые, как нам

казалось, неясным образом навеяло переливами,— эти чувства словно обступали нас. Сложные эмоции, нашептываемые мысленным голосом в святилище разума, переживались сугубо лично, но при этом все же шли извне. И так, мы продвигались, и безумное сияние пятилось от взора, в то же время вторгаясь в сокровенные уголки наших душ.

Наконец мы спустились к мосту на деревянных опорах, шедшему над горловиной озера,— с него открывался вид на плотину, что располагалась в восьми милях дальше по ущелью. К эстакадам на уровне воды крепилась проволочная сетка, так что в устье озера не заходили яхты, хотя совсем недалеко позади нас виднелась парочка суден. Мы с удовольствием вдохнули свежий воздух и оглядели лес, теснившийся по обе стороны моста.

Поразительно, но внезапное, более мощное повторение зловещего явления прошлой ночи принесло спокойствие. Нам встретился настоящий экологический феномен, вызывающий биологические и психохимические изменения в среде. У нас получилось взглянуть на ситуацию отрешенно. Мы взволнованно обсуждали, какова же гидродинамика разлива озера в окружающей экосистеме. Обменивались предположениями, даже придумывали статьи для разных научных журналов, пока не иссякло воображение.

Затем, будто в один миг, возбуждение от собственной мнимой объективности стало угасать. Тогда же, несмотря на наши детальные гипотезы о психохимическом воздействии, которые должны были нейтрализовать любую странную эмоцию, меня охватило

ощущение, и я могу его описать только как глубоко пугающее. Эрнсту я ничего не сказал — быть может, он, почувствовав то же самое, также решил смолчать. Но когда я охватил взглядом дюжину миль леса, которую нам предстояло пересечь, когда посмотрел на озеро, с глади которого за время нашего разговора исчезли все лодки, когда всмотрелся в затененную воду, чьи аритмичные колебания казались нечеловеческой пародией на речь, — когда глазами я искал видимую причину чувства, но так и не смог найти, дыхание мое все больше и больше стихало с едва уловимой, но абсолютной уверенностью в том, что мы с Эрнстом не одни.

И в нарастающей, невыносимой тишине я громко воскликнул:

— Продолжим путь!

Эрнст, как видно, не счел мой крик странным и зашагал с такой же нервной резкостью, как и я сам. Мы мрачно двинулись обратно по тропе, взбираясь на этот раз по противоположному склону. В одночасье мы распыхтелись и встревожились. Боролись с жутким гнетом несколько часов кряду, течение которых определялось лишь неуклонным убыванием дневного света, просачивающегося на откос.

Ближе к закату мы устроили привал на голом холмике. До лагеря оставалось четыре мили, и излишнее промедление грозило нам возвращением в полной темноте. Но идти без передышки и свежего воздуха мы были больше не в силах. На холмике рос огромный одинокий дуб; мы сидели среди корней, прислонившись спинами к стволу, и глядели на ало-золо-

тые солнечные лучи, бархатом укрывающие склоны. Эрнст, переводя дух, горько произнес два слова:

— Старческое отчаяние!

Я сразу понял, о чем он, и ответил:

— Да, какое уныние! Повальное уныние! Но разве не чувствуешь, как слабеет оно здесь, на чистом воздухе? Все идет извне.

— Но мыслю-то я! Вспоминаю каждую неудачу, вспоминаю последний месяц Гудрун в больнице. Открыл в себе...

— Эрнст. Я тоже. Но мы лишь стали на день старше, чем вчера! Внезапное отчаяние и дряхлость — просто неестественны, они не наши...

Вот слова и высказаны вслух. Мы молча переглянулись, пока они отзывались эхом в наших мыслях. Эрнст весьма мрачно улыбнулся.

— Спасибо,— сказал он.— Я уже всерьез предпочел поверить в заблуждение, чем признать то, что едва интуитивно улавливал. Но, разумеется, даже чувства тончайшего интуитивного уровня могут вызываться химическими процессами, быть следствием этих невероятных... миазмов.

— Конечно! — охотно согласился я, но мысль продолжать мы не стали.

Чуть погодя Эрнст произнес:

— Знаешь, на мосту я думал о городах к югу от гор — тех, что снабжаются озером, и куда, на деле, приезжает большинство наших товарищей-отдыхающих...

В эту секунду между мной и небом взмыла очень большая летучая мышь и, колеблясь, кинулась мне прямо на лицо.

Точнее, я решил, что это была летучая мышь, за первые пару мгновений оценив ее размеры. Но когда она пронеслась рядом, а затем снова взвилась вверх, замышляя новую атаку, я разглядел мотылька. Тельце у него было размером с крысу, крылья — толщиной в две ладони, каждое покрывал мех, и они рассекали воздух медленными, слабыми взмахами. Мотылек нырнул, и в слепом омерзении я отмахнулся от лишнего челюсти насекомого. Я видел, как его антенны, похожие на стебли травы, выгнулись над моими пальцами.

Подбитый, он во второй раз взмыл в воздух и, выскользнув из тени дерева, поймал лучи заходящего солнца погнутыми крыльями. И на шоколадных чешуйках мы заметили тусклое сияние невозможного цвета: тлеющего, неземного, уже хорошо нам знакомого. Когда же существо замешкалось в воздухе, а мы в ужасе глядели на него, — тогда-то мы вдруг ощутили, как дерево за спинами зашевелилось.

Нам не померещилось. Дрожь, протестующее вздымание твердой коры отозвались болью в позвоночнике, а громадные корни под бедрами искрутились и вцепились в землю. Мы вскочили на ноги. Эрнст в порыве отвращения ударил мотылька тростью, разбив ему черный глаз-шлем. Несчастный мутант вильнул в сторону и влетел в землю.

Мы обернулись на дерево: оно — отчетливо, до последней ветки! — извивалось в едином, жутком, волнообразном спазме! Ветра не было, и земля — даже слегка — не дрожала. Дерево — раз! — и двинулось, а потом снова замерло.